
UN

Игорь Серебряный

Последняя воля бессмертных

«Автор»
2026

Серебряный И.

Последняя воля бессмертных / И. Серебряный — «Автор», 2026

«Последняя воля бессмертных» — научно-фантастическая повесть о цене человечности перед лицом неумолимых законов физики.После катастрофы на андронном коллайдере по всей Земле разлетаются микроскопические черные дыры. Одна из таких аномалий оседает в российском провинциальном городке Новинске. В этой зоне время замедляется, а фазовый барьер оказывается непроницаем в обе стороны.Капитан международного контингента ООН, канадец Алан Рей, несёт дежурство на периметре Сектора. Обычный патруль оборачивается катастрофой: Рей проваливается в пространственный карман. Он оказывается в стерильной копии города, где время опережает привычную реальность на ничтожную величину. Когда ООН принимает решение выжечь Сектор ядерным зарядом, у застрявшего между фазами капитана остаются считанные минуты, чтобы доказать: он ещё жив.Повесть сочетает в себе жесткий окопный реализм и глубокие философские размышления о вневременности и одиночестве.

© Серебряный И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

1. Вокзал забытых людей 6
2. Ровный пол наизнанку 12
3 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Игорь Серебряный
Последняя воля бессмертных

«Смерть — это не событие в жизни: мы не переживаем смерть. Если под вечностью понимать не бесконечную временную продолжительность, а вневременность, то тот, кто живет в настоящем, живет вечно».
Людвиг Витгенштейн (1889 -1951)

«Бессмертие — это пустая и дикая перспектива, если в ней нет тех, кого мы любим, и того, ради чего стоит жить».
Жан-Жак Руссо (1712 - 1778)

1. Вокзал забытых людей

Алан Рей, сотрудник международного контингента ООН, капитан (ID: UN-7449-CAN):

Мне поручено наблюдать за той частью Сектора, которая начинается на привокзальной площади Новинска, узким веером разрезает город пополам и скрывается в лесах за горизонтом в северо-восточном направлении.

Вокзал (конечно, правильнее говорить «бывший вокзал», с тех пор как границы Сектора перерезали проходящую через город железную дорогу) и в былое-то время, по словам местных, слыл злачным местом, царством бомжей. А уж теперь-то и подавно превратился в человеческую помойку — если не всемирную (эту почетную роль я с радостью уступаю Соединенным Штатам), то городского масштаба уж точно.

Черной дыре было угодно уйти в землю таким образом, что Сектор крестообразно отрезал станцию от жилых кварталов в тот момент, когда на вокзале находились сотни встречающих, провожающих и отъезжающих. Все они оказались запертыми в помещении, которое на длительное пребывание рассчитано никогда не было.

Плюс сюда же по какой-то странной логике бежали жильцы окрестных домов в первые часы, когда в городе началась паника и никто толком не понимал, что происходит и куда — а, главное, от кого — следует бежать.

И теперь, когда паника давно улеглась, все эти «беженцы» или «заложники» (а никто не знает, какой статус они должны официально получить, потому что прецедента подобного за всю историю человечества не было) маются в здании вокзала, устраивая как-то свой быт.

Нам, международному контингенту на внешнем периметре, Женева сразу пояснила: Сектор заблокирован физикой. Граница непроницаема в обе стороны. Любой предмет, пересекающий фазовый барьер, намертво застревает в зоне бесконечного замедления времени.

Попытайся мы отправить туда гуманитарную помощь — и сброшенный с вертолета груз просто зависнет в воздухе для нашего глаза, превратившись в статичную точку, а для вокзальных сидельцев он долетит лишь спустя столетия. Связи с ними нет. Мы можем лишь наблюдать сквозь мерцающее марево за их застывшими, замедленными силуэтами, как за рыбами в мутном аквариуме.

Зато вонь над вокзалом уже через пару дней стояла такой, что пробивала даже фазовый барьер и ощущалась на наших наблюдательных постах.

Должно быть, она чувствуется и в параллельной Вселенной, осколком которой, по мнению некоторых ученых, и был наш Сектор, и все остальные зоны, сколько их там образовалось по всей Земле — шестьдесят, что ли…

Ученые эти приезжают сейчас в Новинск регулярно, в сопровождении каких-то чиновников, каких-то военных, что-то измеряют, что-то записывают… Но на исходящую от вокзала великую вонь это ни малейшим образом не влияет.

И вот вдоль этой невидимой, но глухой стены мне приходится проводить дежурства в режиме «сутки через двое». Меня снабженного армейским сухпаем и рацией, высаживают на бруствер оцепления с вертушки.

Но противогаз в комплект служащего «Смешанного подразделения сил ООН и МЧС по ликвидации последствий аварии на коллайдере» не входит, и потому уже к концу первых суток работа на самом вонючем химзаводе в Бхопале начала казаться мне райским местом… Увы, на химзаводах не платят столько, сколько платят нам, ООНовским контрактникам, за службу в горячих точках…

Как я уже сказал, первые дни в городе царила паника. Начальник нашего подразделения из числа российских военных, полковник Щетинин (его фамилию я до конца своего контракта так выговаривать и не научился — да вы сами попробуйте произнести Sch-che-ti-nin) прошел в составе гуманитарных (и не совсем гуманитарных) миссий и Карабах, и Мариуполь. Он говорит, что схема всегда и везде одинаковая.

Люди сперва теряют головы, превращаются в первобытную плазму, мечущуюся в броуновском движении. Но очень быстро все возвращается на свои места, и социальная пирамида восстанавливается как ни в чем ни бывало, хоть и в искаженном виде — «кто был ничем, тот станет всем» (так, кажется, поют левые по всему миру на своих митингах).

О да, на «моем» вокзале я правоту слов Ще-ти-ни-на лицезрею в каждое свое дежурство крупным планом сквозь оптику прицела. Выговаривать его фамилию я до конца жизни не научусь, это факт; но в житейской мудрости русского полковника сомневаться не приходится.

Так что с вонью на вокзале я поделать ничего не могу — моя задача, международного филера, наблюдать и докладывать, а вовсе не восстанавливать социальную справедливость за барьером параллельного времени.

Я сюда был направлен буквально в первые же дни после того, как стало известно о катастрофе в туннеле под Женевским озером. Справедливости ради скажу, что бардак в международном масштабе был в те дни ничуть не меньше, чем тот, к какому привыкли в России.

Но всё обошлось — стучу по дереву, потому что ничего еще не закончилось и никто не знает, что может произойти в следующую секунду. Просто если в международном масштабе бардак кое-как удалось ввести в рамки осмысленной деятельности (кто-то на этом даже, не сомневаюсь, неплохо руки погрел), то в зоне, куда приписан наш батальон «голубых касок», бардак продолжается по сей день.

Возможно, это оттого, что у русских вообще какое-то катастрофическое мироощущение; они каждый день живут как в последний — но опять же, я канадец по паспорту, капитан по званию, профессиональный служащий сил ООН по роду занятий, а не этнограф-славист, поэтому затыкаюсь.

Надо будет подать рапорт о переводе в какую-нибудь более понятную страну; благо когда на коллайдере рвануло, черные дыры из его недр разлетелись по всему Северному полушарию.

К сожалению, добрую половину Северного полушария занимают как раз Россия и Канада, но по какой-то странной прихоти ООН никогда не направляет своих контрактников в их собственную страну. Для объективности, что ли? Так что выбор у меня в самом деле небогатый.

Просто очень нервирует, особенно в этой обстановке неопределенности, когда здешнее министерство обороны не знает, чем занимается министерство по чрезвычайным ситуациям, и оба они плохо понимают, каковы полномочия голубых касок.

Понятно, им бы наши проблемы; у них судьба человечества на кону, и это не какой-нибудь жалкий Карибский кризис, когда было по крайней мере понятно, с кем договариваться. А я со своими рапортами лезу… Цезарю — цезарево…

Что мне лучше не встревать, я уже в первый день сообразил, когда наше подразделение только что расквартировалось в казарме здешней военной части, и нас повели в актовый зал в соседнем клубе. Там полковник Шче-ти-нин представил нам гостя — то ли из Москвы, то ли из Нью-Йорка, то ли из Женевы, у нас здесь все такие интернациональные, что черт не разберет.

Полковник объявил гостя как профессора Лемберга — опять же, человек с такой фамилией может быть откуда угодно. Не скажу, что за свою жизнь я так уж часто общался с профессорами из Женевы (да и из Оттавы тоже, чего уж тут врать), но пару-тройку раз, я тогда еще стажировался, приходилось сопровождать таких светил науки на инспекциях в Ираке, Иране и Северной Корее.

И я быстро уяснил, что профессора и академики, откуда бы они ни приезжали, бывают двух основных видов.

Одни — это в каком-то смысле наши коллеги; у них погоны сквозь любую одежду просвечивают. Вторые — это классические яйцеголовые из анекдотов; их до пенсии в сортир за ручку водить надо, настолько они всеми мыслями пребывают в этих своих циклотронах и коллайдерах, не к ночи они будь помянуты…

«Наш» профессор относился ко вторым, это я увидел даже со своего деревянного кресла в пятом ряду в полутемном зале. Он явно остро ощущал свою неуместность в этих владениях военных, полувоенных и четвертьвоенных, камуфлированные представители которых (у каждой — своей расцветки) заполнили зал.

Лемберг не знал, куда деть руки, пока Щетинин в сопровождении переводчика сопровождал его на сцену с огромным трехцветным флагом, грубо намалеванном на заднике. Титулов гостя я не запомнил по той же причине, по какой я не запоминаю бюрократических разграничений.

Впрочем, это и не удивительно, потому что сам наш полковник зачитывал эти титулы по бумажке минуты полторы, не меньше. Наконец Щетинин передал микрофон гостю и спустился в зал, ощутимо радостный оттого, что его часть программы завершена.

— Мне от имени МАГАТЭ поручено провести брифинг для служащих объединенных сил ООН и МЧС в Новинском секторе, — начал профессор. Говорил он по-английски, но с

довольно заметным акцентом — то ли потому, что английский был для него неродным языком, то ли от долгого сидения в Женеве или где там еще.

Ему было явно не в диковинку выступать перед большой аудиторией, но, судя по всему, его аудитория не так уж часто состояла из военных, полувоенных и четвертьвоенных. Это ощущалось потому, как Лемберг тщательно подбирал слова.

Ощущение, по правде говоря, не очень располагающее к собеседнику, который невольно дает тебе понять, каким имбецилом в его глазах ты являешься.

— Информация, которую я собираюсь вам сообщить, официально секретной не является, — продолжил профессор. — Просто, совсем уж откровенно говоря, мы и сами-то толком не понимаем, что именно можно здесь засекречивать, от кого и зачем. Наша цель — и ваша тоже, — Лемберг посмотрел в зал неожиданно властно, так что я даже усомнился, правильно ли я классифицировал принадлежность профессора.

— Ваша цель — не допускать возникновения панических слухов, которые то и дело возникают благодаря стараниям журналистов… Правда, здесь, в России, с этим попроще, — как бы про себя усмехнулся Лемберг, и мне снова показалось, что профессор среди своих многочисленных титулов умолчал о некоторых самых главных.

— Я только что был в Соединенных Штатах — вы, конечно, знаете, что на их территорию пришлось больше дюжины попаданий — вот там работать совершенно невозможно. Корреспондентов Си-Эн-Эн я вытаскивал буквально из-под своей кровати… — Лемберг попытался засмеяться, но видя, что аудитория не разделяет его веселья, вновь принял серьезный тон и снова стал выглядеть как профессор, которого ничего на свете, кроме физических формул, не интересует.

— Вы, конечно, знаете, что в результате неконтролируемой реакции на альпийском протонном коллайдере полтора месяца назад произошел выброс гиперплотного антивещества, — продолжил Лемберг снова тоном университетского лектора.

— Употребляя терминологию, которой пользуются наши и ваши журналисты, — профессор снова многозначительно посмотрел в зал, — из прорехи в ускорителе во все стороны разлетелись микроскопические черные дыры. Часть из них ушла в открытый космос; другая часть — мы пока не можем подтвердить это наблюдениями, ими занимаются астронавты на МКС — очевидно, задержалась на околоземной орбите.

Наконец, третья часть по параболическим траекториям вернулась на землю, в результате чего и образовалось свыше шестидесяти зон поражения, поблизости от одной из которых мы сейчас и находимся.

Лемберг сделал смешное движение головой, словно ища взглядом привычную доску, на которой он мог бы начать писать мелом формулы, но на сцене ничего не было, кроме, как я уже сказал, гигантского российского флага, нарисованного у него за спиной. С явным сожалением ученый вновь обернулся к залу.

— Вы уже своими глазами все видели, что представляют собой сектора, подвергающиеся воздействию черных дыр. Наши наблюдения в точности согласуются с теорией относительности: в секторах загрязнения гиперплотной материей… — Лемберг запнулся и извиняющимся тоном произнес: — Вы уж позвольте, я буду употреблять научную терминологию…

Так вот, в этих секторах время по сравнению с незатронутой территорией существенно замедляется. Мы — с вашей помощью, конечно… — (в зале впервые послышался одобрительный шум), — …проводили эксперименты, измеряя ход часов на различных расстояниях от нулевых точек секторов, и пришли к поразительным открытиям.

Если на расстоянии нескольких километров от точек внедрения гиперплотных античастиц замедление времени практически незаметно, то по мере приближения к эпицентрам ход часов замедляется по экспоненте.

В непосредственной близости к эпицентрам, а тем более внутри них, нам, к сожалению, провести эксперименты не удается все по той же причине: по мере приближения к внутренней зоне сектора вблизи черной дыры требуется все больше времени, чтобы это сделать. Но математическая модель полностью подтверждается…

Профессор снова бросил быстрый взгляд в зал, словно оценивая, как надолго еще хватит терпения у публики выслушивать его объяснения. Но слушатели, которым привычнее было разгребать завалы рухнувших зданий, слушали Лемберга затаив дыхание, словно школьники на экскурсии в планетарии. Ободренный, выступающий вновь поднес ко рту микрофон.

— Я не буду утомлять вас сугубо физическими выкладками, поскольку вы все здесь — люди практики, и вам, конечно же, интереснее узнать, какие последствия все это может иметь для повседневной жизни во вверенных вам секторах. Последствия же пока таковы, что мы не знаем, насколько стабильной является гиперплотная антиматерия.

Известно, что в космосе черные дыры постепенно испаряются, но этот процесс занимает триллионы лет. В нашем случае мы должны понять, как нам жить в соседстве с ними здесь, на Земле, неопределенно долгое время. Именно поэтому мы регулярно и проводим встречи с такими людьми, как вы, которые лучше нас, ученых, знают, что происходит на местах.

Последние слова прозвучали уже откровенной лестью — очевидно, профессор Лемберг ощутил, что он уже испытывает терпение аудитории, и понял, что ему следует закругляться.

— Извините, г-н Лемберг, — раздался голос из первых рядов, где одной группой сидели военные в пятнистой форме. — Правильно ли я вас понял, что население, оказавшееся внутри сектора поражения, состарится гораздо позднее, чем люди вне пораженной территории?

Девушка перевела; ее акцент звучал очень эротично. Лемберг молча кивал, смешно наклонив голову в ее сторону.

— И да, и нет, — медленно подбирая слова, проговорил профессор. — Если бы вы были корреспондентом Си-Эн-Эн, да хоть самим Ларри Кингом, я бы, пожалуй, ответил положительно, и назавтра по телевизору прошел бы репортаж, где факты чудовищно перевраны, и население снова стало бы распространять совершенно дикие слухи. Но поскольку вы, в отличие от журналистов, имеете непосредственный контакт с живущим в зоне ответственности населением, я бы не стал так упрощать.

Почувствовав, что индульгенция на продолжение лекции получена, Лемберг вдохновенно продолжил:

— Мы уже столкнулись с тем, что в ряде мест, особенно это касается Соединенных Штатов, под влиянием вот таких упрощенных толкований ситуации стали стихийно возникать секты, участники которых исповедуют именно такую точку зрения: что якобы эти сектора обеспечивают людям бессмертие, и что это едва ли не дар Божий человечеству накануне Страшного Суда.

Ваши коллеги в Миннесоте, например, сидят буквально в осаде сотен таких сектантов, которые пытаются прорваться к эпицентру сектора, и никакие доводы разума на них не влияют. Это сегодня их сотни, — Лемберг вновь словно переключил диапазон, и вего голосе опять послышались стальные нотки. Переводчица едва за ним поспевала.

— Но число таких безумцев растет с каждым днем. Все отчаявшиеся, неудачники, да просто психически неадекватные люди увидели в происходящем возможность если не жить вечно, то отгородиться границами секторов и наблюдать оттуда за жизнью в нашем мире, как рыбы из аквариума. Они всерьез считают, что спрятавшись внутри секторов, они могут дожить до золотого века и выйти затем на все готовенькое!

Лемберг меньше всего был сейчас похож на ученого. Проповедника в церкви — вот кого он мне сейчас напоминал.

Когда я учился в школе, мать заставляла меня по воскресеньям сопровождать ее в нашу приходскую церковь, где люди по мановению пастора превращались в зомби: пели, танцевали,

плакали, смеялись — в общем, в моих глазах, сходили с ума кто как мог. Профессор Лемберг мог бы иметь успех в нашей церкви, подумал я.

— Они не понимаю одного: что время в секторе замедляется только для тех, кто наблюдает его со стороны. Оказавшись внутри луча гиперплотной материи, человек не заметит абсолютно никакой разницы. Он будет точно так же жить, стариться и умирать, как если бы он никогда не входил в границы сектора.

Более того, для него уже наш, внешний мир будет казаться замедлившим ход времени. С таким же успехом люди, оказавшиеся внутри секторов, могут пытаться выйти наружу, чтобы переждать все будущие исторические катаклизмы там.

Лемберг опять переключил какую-то только ему ведомую кнопку и закончил снова тоном профессора-одуванчика:

— Но беда состоит в том, что ни те, ни другие пересечь границы сектора не могут — как вы в этом, надеюсь, уже неоднократно имели возможность убедиться.

В зале вновь раздались голоса одобрения — многие из присутствующих здесь сотрудников ООН и местных силовых структур ежедневно патрулировали границы Новинского сектора, и им не надо было объяснять, что в таком патрулировании смысл был в основном психологический.

Войти собственно внутрь сектора, равно как и выйти оттуда наружу, было невозможно при всем желании, и непонятно, зачем смешанный контингент ООН и национальной гвардии в Миннесоте держал осаду тамошних сумасшедших. Я думаю, что в основном для того, чтобы вышестоящие чиновники Объединенных Наций могли оправдать свои зарплаты и бенефиты.

Но это, опять же, мои личные соображения. Когда я стану Генеральным секретарем ООН, я смогу говорить об этом более предметно.

Пока же я точно знаю только одно: профессор Лемберг то ли забыл, то ли сознательно не упомянул, выступая в зале Новинской военной части, одну вещь, которая, на мой взгляд, является куда более важной, чем все парадоксы с течением времени в секторах. И которую знают все, кто хотя бы раз принимал участие в патрулировании границ сектора.

Возможно, профессор просто счел, что ему для пользы дела совершенно не обязательно загружать наши ограниченные военизированные мозги излишними подробностями.

Так или иначе, через сутки мне предстояло вновь быть заброшенным на свой вонючий вокзал и вновь остаться наедине с явлением, рядом с которым все замедления-ускорения времени — не более чем мелкое чудачество то ли Бога, то ли Дьявола. Это с какой стороны посмотреть.

2. Ровный пол наизнанку

Я толкнул дверь и переступил порог комнаты. Комната была совершенно пустая, как если бы хозяева еще не заселились или, наоборот, уехали со всеми своими пожитками. Выстеленный зеленым «больничным» линолеумом пол, такие же неуютные обои непонятного цвета и рисунка. Окно на противоположной от двери стене было не мыто так давно, что сквозь него с трудом можно было что-то рассмотреть от входа.

Что произошло в следующий момент, я не понял.

Я не поскальзывался, но едва моя нога коснулась пола по ту сторону порожка, как я грохнулся на зеленый линолеум прямо пятой точкой — как если бы потерял равновесие на роликовых коньках. От неожиданности и боли в копчике я на какое-то мгновение потерял ориентацию в пространстве.

Но когда я вновь овладел способностью понимать, где верх, а где низ, легче от этого не стало. Если бы я ударился не задницей, а головой, я бы наверняка решил, что происходящее — результат сотрясения мозга.

Но поскольку голова моя как раз была в целости и сохранности, списать происходящее на солипсические ощущения было никак нельзя.

Зеленый пол подо мной был математически горизонтальным на вид, и до стены с окном было два-три шага, вряд ли больше. Однако я всем телом ощущал, что подо мной раскинулся крутой ровный склон, протянувшийся, возможно, на километры, а возможно, не имеющий конца и вовсе.

И вот это ощущение — что у склона, который я не видел глазами, но на вершине которого я вне всякого сомнения находился, может не быть нижней точки — заставило меня в силу инстинкта самосохранения мертвой хваткой вцепиться в дверной косяк.

Ощущение пропасти под ногами было настолько реальным, что я непроизвольно перевернулся на живот и ухватился руками за невысокий порожек — как если бы я висел на крыше небоскреба и судорожно цеплялся за выступы карниза. Непонятная сила тянула меня к противоположной стене, хотя я продолжал четко видеть, что пол в комнате столь же идеально параллелен горизонту, как поверхность коридора, откуда я только что вошел.

Глаза решительно противоречили вестибулярному аппарату. Я, барахтаясь на полу в довольно смешной, надо полагать, со стороны глядя, позе, пытался тем не менее рассуждать рационально. Откровенно признаюсь, в моем положении это было не так-то легко.

С одной стороны (думал я), мои глаза превосходно видят, что я при желании могу преодолеть разделяющее вход и окно пространство одним прыжком, хорошо разбежавшись из коридора.

С другой стороны (и я это уже не столько думал, сколько ощущал мозжечком), такой поступок был бы равносилен попытке перескочить с крыши одного небоскреба на крышу другого. Такие трюки постоянно проделывают герои голливудских боевиков, и проделывают играючи. Но я-то не супермен, я простой рейнджер-контрактник, пусть и в голубой каске. И власти над природой у меня ничуть не больше, чем у самой ООН, мне эту каску под расписку выдавшей.

С третьей стороны (если можно так сказать), даже если я, вопреки тому, что видят мои собственные глаза, покачусь кубарем с невидимого обрыва «вниз», то всего лишь через несколько метров я упрусь в вертикальную стену под окном — которое в любом случае и было моей целью.

Бояться нечего, уговаривал я себя, не разжимая, тем не менее, кулаков, которые уже начали ощутимо неметь. Если бы меня в этот момент увидел кто-то из коллег, он бы наверняка решил, что с капитаном Сил ООН приключился приступ эпилепсии. Что еще может заставить вооруженного коммандос корячиться на ровном полу в пустой комнате, как будто по нему в чистом поле ведет огонь подразделение снайперов?

И тут меня осенила спасительная мысль.

Я, не разжимая рук, перевернулся на бок и скулой стал стаскивать с плеча ремень планшета, в котором лежали карты-схемы города и окрестностей и прочая оперативно-канцелярская мишура. Ценой едва не вывихнутой шеи мне это удалось. Я стащил планшет на пол и коленом отпихнул его от себя на середину комнаты.

Сам не знаю, что именно я ожидал увидеть. Что планшет растворится в воздухе или взлетит к потолку?

Не произошло ровным счетом ничего. Коричневый квадратный мешочек неподвижно лежал там, куда я его отбросил. Ни двигаться к противоположной стене, ни, тем более, магическим образом исчезать в пятом измерении он явно не собирался.

Я почувствовал себя настолько полным идиотом, что даже, кажется, покраснел. Хотя никто меня, слава Богу, не видел валяющимся на зеленом полу в полной боевой выкладке, мою самооценку это не сильно поднимало.

Кроме того, своим научным экспериментом я поставил сам себя в безвыходное положение. Я не мог бросить здесь, в выселенном доме, разделенном границей Сектора, свои документы — а тем паче, объяснить начальству, по какой причине я это сделал. Потому что тогда

я выглядел бы уже полным идиотом не только перед самим собой, но и перед всем международным сообществом, ха-ха.

Последний аргумент, как ни странно, оказал на меня более сильное воздействие, чем все доводы разума. Самолюбие все превозмогает.

Я подтянулся на руках и сел — впрочем, быстро перехватив руки крест-накрест и по-прежнему не разжимая пальцев, держащихся за спасительный порожек. Передо мной была маленькая, покрытая зеленым линолеумом комнатенка стандартного пятиэтажного здания, какими в России когда-то изуродовали все ее города. И в то же время передо мной простирался выпуклый склон, уходивший в мутную зеленую даль за пределы горизонта.

Мне оставалось сделать выбор. Или верить собственным глазам, которые говорили, что до брошенного мною на ровном полу планшета не более полутора метров. Или верить собственному же телу, которое столь же бесспорно свидетельствовало: преодолеть эти полтора метра столь же нереально, как преодолеть пространство в полтора световых года.

Я подумал, что, наверное, примерно то же самое ощущает смертник, которому монаршей милостью дано право сделать выбор между казнью через повешение либо через отсечение головы.

Осторожно я разжал левую руку, будучи готовым, впрочем, в любой момент вновь впиться мертвой хваткой в дверной косяк. Тянущая меня «вниз» сила никуда не исчезла, но ничего иного не произошло. Все предметы, включая меня самого, оставались на своих местах.

Продолжая думать о себе как о предмете, я разжал вторую руку. Сердце колотилось так, что, наверное, могли зазвенеть стекла в окне напротив. И снова в мире не произошло никаких перемен, которые противоречили бы тому, что я был в состоянии видеть.

Я медленно, словно по минному полю, стал отползать к середине комнаты, где валялся планшет. Ощущение продолжало оставаться таким, как если бы я сползал по обледенелому склону оврага к планшету, случайно зацепившемуся там внизу за корягу.

Сила тяжести влекла меня ко дну оврага, однако я вполне мог контролировать скорость своего спуска. Ободренный, я двумя конвульсивными движениями достиг планшета, перекинул его ремень через плечо и перевернулся обратно на живот, чтобы по-пластунски карабкаться «вверх», то есть к выходу.

Я поднял голову, чтобы оценить дистанцию до двери. И почувствовал, как к горлу подступила отвратительная тошнота.

Никакой двери не было. В том направлении, откуда я только что «спустился», и по полному кругу, куда ни посмотри, возвышалась сплошная зеленая стена.

Я лежал на дне гигантской воронки, уходившей своими краями за такой же размытый мутно-зеленый горизонт.

3

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.